

А.М. Кузнецов

ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРОЛОГИИ

Понятие *гендер* вошло в научный обиход на рубеже 60–70-х годов XX в. Первоначально данная понятийная категория и связанная с ней проблематика активно разрабатывались в западной социологии. Вскоре вопросами гендера стали заниматься и в других гуманитарных науках: в истории и историографии, психологии, культурологии, литературоведении и др. Не осталась в стороне и лингвистика.

Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальные «отягощения», является одной из важных характеристик индивида и на протяжении всей его жизни влияет на его самоидентификацию, а также на его идентификацию другими членами социума. Как отмечается в широко известной монографии А.В. Кирилиной, в целом на начальном этапе термин *гендер* «используется для описания социальных, культурных, психологических аспектов “женского” в сравнении с “мужским”, т.е... всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин. В этот период речь шла преимущественно о женских исследованиях (women's studies)» (Кирилина, 1999, с. 10).

В 80-е годы появилось более уравновешенное понимание гендера как проблемы не только экспликации женской истории, женской психологии и т.п., но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. А в 90-е годы возникло направление, исследующее только мужественность, и пришло осоз-

нение того, что маскулинность имеет разные проявления в любом обществе.

В научное описание, вообще говоря, понятие *гендер* введено для того, чтобы провести границу между понятием *биологический пол* (*sexus*) и социальным и культурным содержанием, вкладываемым в оппозицию «мужское / женское»: разделение ролей, культурные традиции, отношения доминирования – подчинения. Термин *гендер* призван исключить биологический детерминизм, заключенный в понятии *sexus* и приписывающий все социокультурные различия, связанные с полом, универсальным природным факторам.

В отличие от категории *sexus* гендерный статус, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, они особым образом структурируют отношения между говорящими.

Гендер по своей сути не является лингвистической категорией, однако его содержание в значительной степени раскрывается через анализ языка и речевого поведения индивидов. «Из-за того, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой – испытывающих некоторое давление аксиологически значимых структур языка, отражающих коллективное видение гендера» (Кирилина, 1999, с. 30).

Что касается собственно лингвистики, то здесь исследование гендерологической проблематики последних десятилетий в значительной степени связано с социолингвистикой, а также с развитием феминистского движения.

Социолингвистическая гендерология

Интенсивное развитие социологии во второй половине прошлого века послужило возрождению социолингвистики в целом и гендерных исследований с применением социолингвистических методов – в особенности. Особую ценность имели данные статистического характера, касающиеся функционирования языка в различных социальных группах, объединенных по профессии, по полу, возрасту, по признаку городского / сельского образа жизни.

В частности, статистические данные, полученные из разных европейских языков, свидетельствуют об определенном влиянии половой принадлежности говорящего на употребление языка, например, о том, что для женщин характерно использование более престижных вариантов произношения. Эта особенность фонетического поведения показывает сходство их с так называемым средним классом и отличие от манеры речевого общения среди рабочих (см., например: Labov, 1971; Trudgill, 1972; Philips, 1987).

С другой стороны, исследования социолектов подтвердили необходимость более тщательного учета экстралингвистических параметров при объяснении гендерной вариативности речи. Так, принадлежность к женским профессиям (медсестра, учитель, парикмахер и т.п.) предполагает коммуникативное взаимодействие с представителями самых разных социальных слоев, что сказывается на употреблении языка женщинами данных профессий (Nicols, 1983; Coats, 1986).

По аналогии с диалектом и социолектом в социолингвистике используется и термин «гендеролект». В 90-е годы во многих трудах по социолингвистике были представлены характеристики типичного женского языка. Утверждалось, например, что словарь женщин содержит в основном слова, связанные с присущей женщинам сферой интересов (дети, кухня, одежда и т.п.), что женщины говорят на сласавом, приукрашенном языке, потому что постоянно боятся кого-нибудь обидеть, что они часто употребляют специальные маркеры, ограничивающие поле действия сказанного («мне кажется», «если я не ошибаюсь»), прибегают к подстраховочным вопросам («Не правда ли?») используют много эмфатических наречий. Однако в целом женщины говорят правильнее мужчин (гиперкорректны), не используют ругательств и даже редко шутят (Samel, 1995, p. 31).

Е.А. Земская установила, что женщинам более свойственны фатические речевые акты, они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации (мужчины чаще обнаруживают «психологическую глухоту», не реагируют на реплики). В речи женщин менее сильно влияние профессионального фактора, чем в речи мужчин. Женское ассоциативное поле более обобщенно и гуманистично (природа, животные, повседневная жизнь), а мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой и военной сферой (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993, с. 90–136).

В рамках социолингвистики высказывалась также гипотеза о сравнительно большей консервативности «женского» языка, не получившая, однако, единодушной поддержки ученых (Nabrings, 1981 и др.).

Феминистская лингвистика (феминистская критика языка)

На рубеже 60–70-х годов прошлого века под влиянием так называемого Нового женского движения в языкознании возникло своеобразное направление, обозначенное позднее как феминистская лингвистика, главной целью которого было разоблачение (языкового) патриархата, а через это – мужского доминирования в общественной и культурной жизни. Основанием и своеобразным манифестом данного лингвистического течения стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff, 1973), в которой были показаны андроцентричность языка и ущербность образа женщины в языковой картине мира.

Феминистскую критику языка отличают ярко выраженный полемический характер, привлечение к лингвистическому описанию данных многих смежных гуманитарных наук (этнографии, антропологии, социологии, психологии и др.), небезуспешные попытки влиять на языковую политику и т.п.

Зародившись в США, феминистская лингвистика наиболее широко распространилась в Европе (в большей степени в Германии). Претензии феминизма к языку состоят в том, что он фиксирует картину мира с мужской точки зрения, от лица мужского субъекта, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «другого», «чужого» или вообще игнорируется.

Упреки феминистской лингвистики к языку сводятся к следующему.

1. Отождествляются понятия «человек» и «мужчина». Во многих европейских языках они обозначаются одним словом: *man* – в английском языке, *homme* – во французском, *Mann* – в немецком.

2. Имена существительные женского рода в большинстве случаев – это производные от мужских, а не наоборот; при этом им часто сопутствует негативная коннотация. Применение мужского обозначения по отношению к женщине допустимо и повышает ее статус. Однако номинация мужчины женским именем несет в себе негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться для обозначения лиц обоего пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Например, если нужно обозначить учительниц и учителей, то употребляется слово *учителя*, а не *учительницы*.

4. Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не пола референта.

Все указанные претензии представителей феминистской лингвистики связаны с исследованием асимметрии в самой системе языка, направленной против женщин. Эти исследования основываются на гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и менталитета (Сепир, 1993). Это дает основание утверждать, что все языки, функционирующие в патриархальных и постпатриархальных культурах, – это мужские языки и отражают мужскую картину мира. Исходя из этого, феминистская лингвистика ратует за переосмысление и изменение языковых норм, за изменение языковой политики.

Другое направление феминистской лингвистики занимается изучением особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования рассматривают самые разные стороны ведения диалогов в телевизионных передачах, диалогов врачей и пациентов, речевого общения в семье и т.п. Авторы подобных работ исходят из предположения, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Например, было обнаружено, что: а) женщины в общении чаще употребляют слова с уменьшительными суффиксами; б) для женщин более типичны косвенные речевые акты; в) в их речи больше форм вежливости и смягчения: утверждений в форме вопросов, знаков неуверенности при отсутствии самой неуверенности; г) в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника; д) в целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное».

«Однако именно этот факт согласно феминистской лингвистике имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и

вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны» (Кирилина, 1999, с. 42).

Следует учитывать, что вокруг теоретических положений и практических рекомендаций феминистской лингвистики не прекращаются научные споры. В частности, в работе Д.О. Добровольского и А.В. Кирилиной (Добровольский, Кирилина, 2001), построенной на материале российских гендерно-лингвистических исследований, отмечается как общий недостаток феминистски ориентированных работ то, что для многих из них характерно пренебрежение требованиями научности, например запрет на имплицитные экстраполяции. Часто наблюдается (не обсуждаемое специально, а как бы само собой разумеющееся) приписывание лингвистическим категориям содержательных характеристик, как правило, идеологически нагруженных в своей основе. Эти характеристики, само наличие которых нельзя подтвердить в рамках лингвистики, иногда берутся за основу дальнейшей аргументации, что неизбежно приводит к выводам, надежность которых не может быть подтверждена.

Давая там же критический разбор некоторых работ зарубежных русистов, на которые часто ориентируются отечественные лингвисты указанного направления, Добровольский и Кирилина предостерегают от опасности ангажированности и утраты свободы научного творчества. Кроме того, эти русисты, ориентированные, главным образом, на изучение андроцентрических структур русского языка, не учитывают нижеперечисленные факты лингвистического и экстралингвистического характера.

Язык отражает значимые для данной культуры параметры. Следовательно, нечеткое разграничение по полу, большая вариативность способов выражения (или невыражения) пола могут означать его нерелевантность во многих коммуникативных ситуациях. Возможно, в коллективном сознании представителей разных культур пол человека значим в разной степени, как и психологическая связь пола и категории рода.

Исследование гендерных аспектов языка не должно игнорировать внутриязыковые закономерности (аналогию, языковую экономию, фонологические особенности и т.д.); следует отвлекаться и от гиперболизации семантико-символической функции катего-

рии рода, так как она имеет также ряд других функций, роль которых нельзя недооценивать.

Недооценка как лингвистических методов исследования, так и законов развития и функционирования самого языка приводит к результатам, истинность которых трудно подтвердить. «Нет оснований отрицать андроцентричность русского языка. Факт андроцентричности естественного языка доказан во многих работах и является, по всей видимости, универсальным. Однако степень андроцентричности разных языков может быть различной и зависеть от специфики концептуализации понятий в данном языке, а также от особенностей самого языка. Определение культурной специфики какого-либо концепта, в том числе и концептов “женственность” и “мужественность”, должно проводиться при помощи ряда взаимодополняющих методик» (Добровольский, Кирилина, 2001, с. 33).

В последних работах по гендерной проблематике исследователи часто отмечают, что существенные расхождения в коммуникативном поведении мужчин и женщин не обязательно обусловлены только половыми различиями. Использование женщинами особых коммуникативных стратегий часто связано с тем, что их просто не слушают. Обнаруживается, однако, что и мужчины, оказываясь в аналогичной ситуации, когда ими пренебрегают, пользуются теми же «женскими» коммуникативными приемами. В целом же наблюдается нарастающая тенденция рассматривать женскую речь как менее важную и значимую, нежели мужская (см., например: Fishman, 1998).

В работе К. Кристи (Christie, 2000) подчеркивается, что для феминистических работ немаловажное значение может иметь прагматический фактор, учет которого в гендерологии оказывается полезен по целому ряду причин. Формулирование прагматических принципов межполового коммуникативного общения должно строиться с учетом того, что имплицитно предполагается об отношениях между интерактантами, о гендерной принадлежности говорящих и о мотивах говорения. В данном случае прагматика оказывает неоценимую помощь при анализе отношений между гендером и конкретным употреблением языка.

К настоящему времени идея существования особого женского языка с константными признаками многими исследователями ставится под сомнение. Различия мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя в каждом речевом акте и не сви-

детельствуют о том, что пол – главный фактор коммуникации. Уместнее говорить не об особом гендеролекте, а о некоторых стилистических особенностях мужской и женской речи, тем более что полученные в большинстве работ данные, касающиеся характерологических половых особенностей речи, носят крайне противоречивый характер. Тем не менее речь и пол взаимосвязаны, однако выявляемые различия носят не инвентарный, а вероятностный характер.

Е.А. Земская тоже пришла к выводу, что особенностей в наборах единиц мужского и женского языков, по всей видимости, не существует. Речь может идти только о типичных чертах мужской и женской речи, о тенденциях употребления языка мужчинами и женщинами (Земская, 1993, с 133).

Грамматическая категория рода в свете гендерологии

Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний дает возможность сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, на способах представления этих смыслов языковыми средствами, на разного рода коннотациях и семантических приращениях, которые сопутствуют номинациям мужского, женского и (отчасти) среднего рода. Несмотря на то что гендерному исследованию могут быть подвергнуты единицы всех уровней языковой системы, тем не менее существует явная диспропорция в гендерологическом освещении различных сторон языка: лучше исследованы лексические единицы, с семантическим компонентом «пол», фразеология (женский голос в пословицах, поговорках, загадках и т.п.), исследована концептуализация понятий «женщина» и «мужчина» по данным лексикографии и многое другое.

В работе М.В. Ласковой (Ласкова, 2001) дается, в частности, анализ грамматической категории рода с гендерных позиций. Отмечается, что «гендерными исследованиями последних десятилетий подготовлена база для того, чтобы на их основе проанализировать грамматическую репрезентацию гендерных отношений в языке» (Ласкова, 2001, с. 15). В монографии особо подчеркивается, что универсальная понятийная категория пола, отражающая природную данность, по-разному преломляется в системе языка. Она находит отражение в словообразовательной категории пола и

грамматической категории рода. При этом гендерные характеристики, как правило, наиболее полно и разнообразно представлены в одушевленных существительных.

Оппозиция мужского и женского рода в сфере одушевленных существительных (*учитель – учительница*) рассматривается как привативная с немаркированным мужским родом (ср. выражение «дом учителя»). Род выступает здесь в позиции нейтрализации, выражается нулевым формантом, обладает большой морфологической регулярностью, частотностью употребления и имеет более свободную синтаксическую сочетаемость (дистрибуцию). Мужской род, как немаркированный элемент привативной оппозиции, более многозначен по сравнению с маркированным женским. Помимо лексического значения, заключенного в корне, и первичного грамматического значения он передает также смыслы неопределенности и обобщенности. Очевидно, что привативная родовая оппозиция сложилась как отражение реальных гендерных отношений в андрогенных культурах.

Идея «женскости» в личных существительных русского языка передается за счет средств разных уровней: лексического (*мама, дочь, тетя*), флективного (словоизменительного: *раб – раба, супруг – супруга*), суффиксального (словообразовательного: *студентка, поэтесса, генеральша*), словосложения (*девочка-забияка*), синтаксического (*доктор пришла, которую все ждали*).

Из этих способов самым ограниченным является первый, так как число слов, содержащих лексическое значение женского пола в самом корне, сравнительно невелико. Именно они для выражения экспрессивных значений подвергаются так называемой «обратной деривации», ср.: *усатый нянь* (В. Маяковский), *три нимфа* (И. Ильф и Е. Петров).

Значение «женскости» для русского языкового сознания является существенным и обязательным выражением, особенно при непринужденном общении. Среди суффиксальных образований самый продуктивный – суффикс -к (а). Много слов с данным суффиксом появилось в XIX в. Именно тогда в русский язык вошли разнообразные по семантике названия лиц женского пола, соотносимые со словами мужского рода: *атеистка, студентка, телеграфистка, экономка, дарвинистка* и др. От суффикса -к (а) происходят многочисленные ответвления: -енк (а), -анк (а), -истк (а), -арк (а), -ячк (а), -овк (а), -ентк (а), -антк (а), -итк (а), -янтк (а).

В Петровскую эпоху появляется целая серия наименований лиц со значением «жена по должности, званию мужа»: *бригадирша, почтмейстерша, ассессорша, капральша, генеральша* и т.п. И вплоть до XIX в. за этими образованиями сохранялось указанное значение. Затем семантическое единство данной лексической группы на -ш(а) начинает разрушаться, поскольку отдельные слова этой группы уже употребляются для обозначения и собственного занятия женщины, так что разграничить эти значения подчас удастся только в контексте.

Иногда бывает достаточно определения при имени, чтобы смысл стал ясен: «Ты еще молодая, – шепнула известная режиссерша» (Арбатова М. Мобильные связи). Без определения-прилагательного выражение было бы двусмысленным. Но часто необходим расширенный контекст: «А все-таки живинка в ней была, в этой самой министерше. Право, чудная была женщина. Всякая. Ну и положение обязывало: все-таки какой-никакой, а министр, какой-никакой, а культуры» (Козаков М. Фрагменты).

По мнению многих исследователей, именно значение «жена по мужу» мешает тому, чтобы широко распространились и ощущались как стилистически нейтральные наименования женщин по профессии с тем же суффиксом. То есть *докторша* в значении «женщина-доктор» ограничено в своем употреблении именно из-за прежних функций данного форманта.

Современный язык приобрел много существительных с суффиксом -ш(а), обозначающих женщину по роду ее собственных занятий: *секретарша, кассирша, агентша, дилерша, брокерша* и др. Весьма продуктивен этот суффикс при производстве новообразований женского рода от заимствованных основ на -р: *рокерша, киллерша, менеджерша*. Ср.: «Рядом с киллером была киллерша. Женщина помогла убить женщину» («Комсомольская правда», 1998, 24 нояб.); «Наша спикерша (о Л. Слиске) абы с кем не целуется» («Комсомольская правда», 2000, 4 июля).

Особый интерес в гендерном отношении представляют наименования лиц типа *товарищ, поэт – поэтесса*, в которых своеобразно представлено соотношение лексического значения и смысла.

В качестве примера рассмотрим слово «товарищ». В книге А. Вежбицкой (Вежбицкая, 1999) этому слову отводится специальный раздел, где оно названо символом длительной и ужасной эпохи, и в этом качестве, по ее мнению, оно заслуживает внимания

аналитиков (см. также: Ласкова, 2001). В аспекте гендерологии это слово интересно в связи с его смысловым наполнением – возможностью или невозможностью обозначать лиц обоего пола, а также с его синтагматикой. В русском языке оно имеет два основных значения: а) «Человек, близкий кому-н. по общности взглядов, деятельности, условий жизни и т.п., а также человек, дружески расположенный к кому-н.»; б) «Человек как член советского общества, как гражданин социалистической страны или как член революционной рабочей партии» (Ожегов, 1975, с. 734). Второе значение – политический или идеологический товарищ – родилось из первого.

Слово *товарищ* стало символом социального равенства, новой жизни, новых отношений, поэтому его коррелят *товарка* оказался на периферии и гораздо менее частотным. Хотя в словарях оно отмечается пометами «устаревшее» или «просторечное», тем не менее оно продолжало употребляться и в советскую эпоху; ср.: «Пришла осень, а война разгорелась еще шире, не одна товарка стала вдовой, и страх по ночам душил Марию» (Белов В. На Ростанном холме). Но гораздо чаще по отношению к женщине в советский период употреблялось слово *товарищ*, особенно в обращении, при фамилии, при названии профессии, звания.

Справедливости ради следует заметить, что «двуродовость» этого существительного стала ощущаться еще с конца XIX в., но расцвет такого употребления приходится на послеоктябрьский период. В словаре А.Г. Балакай (Балакай, 1999) это слово приводится как существительное общего рода (мужского и женского рода), хотя примеров типа *дорогая товарищ* автор не дает.

Ср.: «Товарищи стояли около меня, и каждая из них старалась сказать мне несколько ободряющих слов» (Школьник М.М. Жизнь бывшей террористки). Существительное *товарищ* стало общепринятым обращением. В строгом литературном языке нормой было согласование по мужскому роду: «Дорогой товарищ Анна» (из письма Н. Островского к А. Караваевой), но возможно и употребление прилагательного в форме женского рода (особенно в разговорной речи): «Уважаемая товарищ Иванова».

Неограниченное употребление этого слова стало предметом иронии: «Мне, говорю, товарищ дверь, довольно обидно про морду слушать» (Зоценко М. Стакан).

Унифицированное обращение «товарищ», сохранившееся до сих пор в армии, утратив первоначальное демократическое звучание, маркирует лишь привлечение внимания, требования, игнорируя пол адресата. Роль слова *товарищ* в качестве обращения сегодня уже не та, что прежде. Современные пособия по культуре речи рекомендуют обращение *товарищи* в аудитории, где вы считаете присутствующих своими товарищами, или когда вы выступаете на коммунистическом собрании (Клобуков, 2000, с. 165).

«Между коррелятивными существительными мужского и женского рода может закрепляться не только стилистическое или эмоционально-экспрессивное различие, но может образовываться своего рода “семантический зазор” – различие, в равной степени ощущаемое носителями языка» (Ласкова, 2001, с. 72). Особенно заметно это в паре *поэт – поэтесса*, где их антитетичность жидется не только на признаке грамматического рода: «Я примирилась с тем, что из поэта превратилась в салонную поэтессу» (Одоевцева И., На берегах Невы).

В то же время вполне обычны употребления, где слово *поэтесса* используется без подобных противопоставлений: «Большой приятельницей Булата была поэтесса и автор многих популярных песен Агнешка Осецка, умершая в прошлом году» («Комсомольская правда», 1997, 6 февр.).

Совсем в другой манере подан ряд однотипных образований с формантом *-есса* в «Литературной газете», где был опубликован (на 16-й юмористической странице) приказ к Дню 8 марта в 1968 г.:

«В связи с наступлением 8 марта мужская часть администрации “Клуба 12 стульев” постановляет:

поздравить:

а) поэтесс, б) прозаесс, в) драматургесс, г) критикесс, д) очеркесс, е) переводесс, ж) фельетонесс, з) баснописцесс, и) юморесс, к) сатирикесс и вообще всех женщин» (пример приведен в работе: Санников, 1999, с. 156).

Иногда авторы подчеркивают различие в сущностном содержании слов *поэт* и *поэтесса*, а не отношение к полу или стилистическую маркированность:

«Как сказал однажды мой литературный учитель, есть женщины-поэты и мужчины-поэтессы» (Труд, 1998, 6 марта).

М. Цветаева называла себя только *поэтом* с самых юных лет:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт...
Ср. у А. Кушнера:
Однажды я пришел к поэту,
Ее давно меж нами нету.

Только *поэтом* называет Е. Евтушенко Анну Ахматову. В стихотворении «Поэт на рынке» он применяет смысловое согласование: «Поэт стояла», «с кем пошла на поединок поэт когда-то, проявив могучесть».

«Корявость» такого рода конструкций явилась хорошим материалом для известного юмориста З. Паперного в его пародии:

Евтушенко писало,
Что стояла поэт.
Евтушенко считало,
Что родов больше нет («Лит. газета», 1971, 1 июня).

«Пародист точно уловил не только грамматическую неправильность, но и то, что поэт для обозначения женщины – конструктивно обусловленная форма: она хороша, например, в предикативном употреблении, но в случаях, когда она “тянет” за собой глагольные формы, она малоприемлема. Ведь у того же Евтушенко, если бы он написал об Ахматовой: *поэт стоял*, было бы еще хуже» (Ласкова, 2001, с. 74).

Многие феминистически настроенные авторы видят в оппозиции «поэт – поэтесса» отражение гендерных стереотипов: «Литература и искусство в фаллократическом мире строго подчинены законам мужской цензуры внутри культурного пространства, построенного по мужским законам... “Я не поэтесса, а поэт” – бесконечно уточняют Белла Ахмадулина и Юнна Мориц, демонстрируя подсознательный запрет на то, что можно быть творчески состоятельной женщиной» (Арбатова, 1995, с. 26).

Однако в стилистически нейтральном «неангажированном» употреблении различие между этими словами заключается лишь в объеме представления: поэт – «и мужчина, и женщина», поэтесса – «только женщина». Поэтому быть первой поэтессой – значит быть лучшей только среди женщин, пишущих стихи.

Грамматический род как инструмент создания особого стилистического и комического эффекта

В современных исследованиях утверждается приоритет тех грамматических описаний, в которых предусмотрены возможности нарушения правил и создания за этот счет разнообразных стилистических коннотаций. Особую роль здесь играют индивидуально-авторские, окказиональные «родовые» словоформы, которые могут выполнять самые разные функции.

Они используются, например, для обозначения какого-либо нового или редкого явления в сфере распределения профессиональных функций между мужчинами и женщинами: «Где-то, почему-то священница. Это ново, это, говорят, чуть ли даже и не возвращение в незапамятный матриархат» (Мартынов Л., Священница). В других случаях подобные новообразования становятся элементом языковой игры, за счет своей редкой, исключительной формы преодолевая монотонность языкового восприятия: ср. словоформу *послица* для обозначения женщины-посла, в которой содержится фонетическая «перегласовка» с названием известного животного. Ср. также: «Ваша *психиатрюшка* меня запомнит, она меня сразу возненавидела» (Мелихов А., Высокая болезнь). Данное окказиональное образование в данном контексте приобретает исключительное пейоративное содержание. Аналогичный смысл просматривается и в другой подобной словоформе: «Домострой! – завопят *эмансипухи*, прочтя эти строки» («Вечерний Ростов», 1995, 24 февр.).

Иногда обе функции (номинация редкого явления и стремление к языковой игре) совмещаются в женских наименованиях: ср.: «*Богатырша* носит папу на руках» («Комсомольская правда», 1999, 5 марта), где речь идет о семилетней девочке, которая может поднять вес в четыре раза больше собственного.

Наряду с окказионализмами отмечается существование так называемых «полуотмеченных» форм, например, когда от одного корня образуется целый ряд подобных квазивариантов. Так, несмотря на широкое распространение соответствующей профессии среди женщин, у существительного *гид* нет общепринятого наименования женского рода (разные авторы употребляют варианты вроде *гидша*, *гидесса*, *гидиха*): «*Гидша* лопочет бойко» (Евтушенко Е. В полный рост); «Русский вариант средневековой *гидессы*» (Коче-

тов В. Чего же ты хочешь?); «Комнаты наполняла быстрая и красочная французская речь *гидихи*» (Долохов П. Гернсейская история).

Часто подобные формы возникают в условиях языковой импровизации. В связи с этим вспоминается случай, когда на очередном заседании реферативного журнала неожиданно возникло затруднение с названием автора реферата по фамилии Петренко, которым оказалась женщина (обычно в подобных случаях используется существительное общего рода *референт*). Первая наиболее естественная форма *референтка* почему-то послужила толчком для коллективного словесного творчества, при этом выдавались варианты один «экзотичнее» другого (явно с расчетом на комический эффект): *реферунья*, *реферистка*, *референтиха*, *референтница* и т.п.

Наконец, окказиональный характер имеют случаи обратной деривации, когда от имен женского рода путем усечения окончания образуются существительные мужского рода. В. Маяковский переделал форму *няня* в *нянь*, что обусловлено сатирическим замыслом, необходимостью приписать высмеиваемому персонажу-мужчине женское свойство. Кроме того, ср.: «Моя ревнивая Отелла, я твой несчастный *Дездемон*» (Буйнов А., РТР, передача «С добрым утром, страна!», 1998, 22 марта); «И мы увидели его, старого *русала*, барахтающегося в воде близ гранитных ступенек» (Нагибин Ю. Маленькие рассказы); «К ней смуглян-молдован пришел» (ОРТ, передача «Угадай мелодию», 1999, 10 марта).

Иногда возможны противоположные случаи – ненормативные образования форм женского рода от существительных мужского рода: «Мужики, поглядите на своих жен. Может быть, вы спите с *Эйнштейной*» («Комсомольская правда», 1998, 7 февр.). Здесь Эйнштейн употребляется как знак высочайшего интеллекта, поскольку речь в газетной статье идет о Мэрилин Бос Саван – самой умной женщине планеты с коэффициентом IQ, равным 228. В наше время обратная деривация стала излюбленным приемом словотворчества газетных и телевизионных журналистов. Встречается она и в творчестве писателей: «В нашей русской колонии попадают чудные объявления. Напротив моего дома висит объявление: “Требуется швей”» (Довлатов С. Зона). Но в данном случае необычная словоформа лишена всякой экспрессии, ее употребление ситуативно обусловлено, поскольку женщины-швей по понятным причинам на зоне отсутствуют.

Вообще, существует представление, что расширение круга женских занятий повлечет за собой переход соответствующих названий из сферы окказионализмов в категорию общеупотребительных слов. Сначала они будут потенциально-языковыми, а потом станут общеязыковыми. «Но вряд ли это так. Языку нет необходимости иметь в арсенале нейтральных средств все эти корреляты. Их прагматическая актуальность в другом – быть источником тонких стилистических и смысловых эффектов, которые создаются в тексте благодаря использованию элемента, который не соответствует системной норме» (Ласкова, 2001, с. 110).

Подводя итог, следует отметить, что экзистенциальные характеристики лица вообще и гендерные в частности интерпретируются в зависимости от того, какие представления о феминности и маскулинности преобладают в данном социуме. Поскольку гендер отражает одновременно и процесс, и результат включения индивида в модель распределения женских и мужских ролей, при его изучении необходимо учитывать (помимо прочего) прагматические факторы и когнитивные феномены, отраженные как в системе языка, так и в речевой деятельности.

Язык, являясь инструментом символизации опыта и сокровищницей недостаточно изученных сведений, отражает и закрепляет в своих единицах определенные связи и отношения между объектами внеязыковой реальности. Исследуя различные способы экспликации гендерных отношений, можно получить представление об элементах языковой картины мира. Другими словами, исследования в области лингвистической гендерологии вносят свой вклад в расшифровку того, что называется «кодами цивилизации» (культурными и социальными), с принятыми в ней системами ценностей, норм и стереотипов восприятия.

Список литературы

1. *Арбатова М.* Женская литература как факт самостоятельности отечественного феминизма // Преображение. – М., 1995. – № 3. – С. 20–28.
2. *Балакай А.Г.* Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения. – Кемерово, 1999. – 305 с.
3. *Вежибицкая А.* Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. – М., 1999. – 327 с.
4. Гендер как интрига познания / Сост. Кирилина А.В. – М., 2000. – 192 с.

5. Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 19–35.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 90–136.
7. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М., 1999. – 189 с.
8. Клобуков В.П. Говорите, пожалуйста, правильно. – СПб., 2000. – 201 с.
9. Косых Е.А. Соотношение концептов «пол», «секс», «гендер» в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 2001. – С. 284–292.
10. Кузнецов А.М. О понятии «гендер» и гендерной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня. – М., 2004. – С. 184–204.
11. Кузнецов А.М. Гендерные характеристики концепта «любовь», отраженные в афоризмах и анекдотах: Обзор // РЖ «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание». – 2009. – № 1. – С. 12–38.
12. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. – Ростов н / Д., 2001. – 192 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 11-е изд. – М., 1975. – С. 734.
14. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – 217 с.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. – М., 1993. – 587 с.
16. Соловьева Н.С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира: (На материале фразеологии). – Магнитогорск, 2010. – 374 с.
17. Фомина А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – М.; Кемерово, 2003. – 234 с.
18. Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики // Рус. речь. – М., 1999. – № 5. – С. 38–46.
19. Coats J. Women, men and language: A sociolinguistic account of sex differences in language. – N.Y., 1986. – 235 p.
20. Fishman P. Conversational insecurity // The feminist critique of language. – L., 1998. – P. 253–258.
21. Labov W. Variation in language // The learning of language: National council of teachers of English. – N.Y., 1971. – P. 187–221.
22. Lakoff R. Language and women's place // Language in soc. – L., 1973. – N 2. – P. 28–36.
23. Näbrings K. Sprachliche Varietäten. – Tübingen, 1981. – 356 S.
24. Nicols P. Linguistic options and choices for black in the rural south // Language, gender and society – Rowley (Mass.), 1983. – P. 54–69.
25. Philips S.U. Introduction: The interaction of social and biological processes in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective. – N.Y., 1987. – P. 1–11.
26. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. – B., 1995. – 265 S.
27. Trudgill P. Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich // Lang. in soc. – L., 1972. – P. 179–195.